

Глава 7

Руки его уже оледенели до невозможности, и у него не было времени вдумываться в скрытый смысл выражения лица Му Чэньсюэ. Он лишь с трудом выдавливал слова одно за другим.

— Мужчина и женщина, любовные утехы — по обоюдному согласию. Главное — твоё желание, брат Му. Как я могу, будучи отравленным, принуждать тебя...

Так что... можно или нет?

— Нельзя.

Шэнь Чии опешил:

— Тогда... тогда я подумаю над предсмертными словами...

Выражение лица мужчины было пустым довольно долго, а затем он внезапно тихо рассмеялся. Этот смех приглушил разлитый по комнате запах крови и скрытую в тёмных углах затаённую боль.

Следом он одной рукой подхватил его и, прямо у кровати, уложил на постель.

Шэнь Чии был мягок, словно вата, и позволял делать с собой что угодно. Перед глазами всё закружилось, а когда он снова поднял взгляд, Му Чэньсюэ уже заслонил собой весь его обзор.

— Раньше я, совершая дела, всегда... трижды подумав, а затем действовал.

— Но---

Но что?

Он услышал, как Му Чэньсюэ прошептал ему на ухо:

— Можно.

Только что ведь сказал «нельзя».

— Поистине переменчив.

Шэнь Чии был зажат мужчиной в тесном пространстве, не в силах пошевелиться. Он смутно чувствовал, что что-то не так, но не успевал обдумать это как следует и поспешно, краснея, проговорил:

— Мазь! Мазь не взяли... В лекарствах от ран есть подходящая мазь...

Движения того замерли. Он сделал несколько глубоких вдохов и, нахмурившись, спросил:

— Ты ранен?

— Я не ранен, это для мужчин... для постельных дел нужна эта вещь...

Когда он сопровождал тех распутных молодых господ в увеселительные заведения, то видел немало наследников знатных семей, посещавших мальчиков для утех. Некоторые, ради особого удовольствия, даже приносили с собой мази, изготовленные по тайным рецептам, и говорили, что у каждой своё действие.

Повидав многое, он, естественно, знал, для чего нужна эта вещь.

Шэнь Чии поспешно потянулся, чтобы взять её:

— Без мази я боюсь поранить...

Тебя.

У самого уха раздался намеренно приглушённый голос, в котором сквозила непонятная ему — или же ослышанная им — досада:

— Ты и об этом осведомлён неплохо.

Слепой мужчина не позволил ему двигаться и, порывшись среди разбросанных у кровати лекарств, внезапно швырнул на постель те самые баночки с мазью, что предназначались для ушибов.

Ощущение неправильности стало ещё сильнее.

И лишь когда он обнаружил, что может только запрокидывать голову и смотреть на собеседника снизу вверх, он внезапно понял, где именно была ошибка.

Он вскрикнул:

— Разве не я должен——

Кто-то наклонился, запечатав губами и языком все его невысказанные слова.

: : : : :

Ясная луна плыла по небу, звёздная река уходила на запад, бирюзовое озеро сливалось с небом, сходясь на востоке, где небо разверзлось полосой предрассветного света.

Утренний ветер колыхал ветви, и мир людей принимал в себя пыль и краски бренного мира.

— ...Господин наследник? Господин наследник?

Чей-то зов, словно густой туман, вливался в уши — смутный, будто бы настоящий, будто бы ложный.

Шэнь Чии медленно очнулся.

В одно мгновение пробудились и чувства. Всё тело, будто прокатанное в уксусе, накрыла всепоглощающая ломота.

В голове был полный хаос. Он долго приходил в себя, затем медленно открыл глаза.

Перед взором колыхался белый полог, за ним — яркий дневной свет.

Он лежал на кровати в малой каюте расписной ладьи Му Чэньсюэ.

Золотой фонарь-журавль, что прошлой ночью столкнулся с остриём меча, уже кто-то подобрал и поставил у кровати. Один угол расправленного крыла журавля был вмят в острый след — отметина от удара длинного меча.

А вот самого меча не было.

Улин, заметив, что он открыл глаза, обрадовался:

— Наконец-то очнулись!

Шэнь Чии не только очнулся — яд, что он принял прошлой ночью, давно вышел из него без остатка.

Он без колебаний резко сел.

Он привык так: открыл глаза на рассвете — и сразу встал с кровати, проворно и бодро.

Но в следующее мгновение тело пронзила ломота. Он с шипением поспешил опереться спиной о край кровати, вспоминая, что случилось во второй половине ночи.

Прошлой ночью он думал, что из-за отравления ему придётся бесцеремонно потревожить красавца, но у Му Чэньсюэ как раз обострился старый недуг, одна рука была ранена, тело покрывали и внутренние, и внешние повреждения — и всё же неизвестно откуда взявшейся силой тот всё время прижимал его.

Судя по тому, как тот двигался, с лёгкостью управляясь с весом в тысячу цзиней — он явно владел боевыми искусствами!

Он и так был отравлен, сил не было, а прилагать усилия он боялся — вдруг заденет рану на руке Му Чэньсюэ. Поэтому он не смел действовать решительно и был совершенно скован.

Потом...

Потом те баночки с мазью пригодились ему самому.

И даже все до единой были израсходованы.

Глубокой ночью Улин пришвартовал ладью и даже стучал в дверь снаружи.

Но к тому времени они с Му Чэньсюэ уже... Ему пришлось поспешно окликнуть Улина и велеть тому удалиться.

И до самого изнеможения, погружившись в сон, он оставался наедине с Му Чэньсюэ.

Он даже... уснул в объятиях Му Чэньсюэ.

Сейчас, проснувшись, он не чувствовал никакого дискомфорта, на нём была аккуратно надета ночная рубашка. Интересно, как брат Му, который ничего не видит, прошлой ночью прибирал всё это...

«...»

Стоило ему вспомнить, как в голову лезли мысли о том, как мужчина, не видя ничего, задавал ему самые разные сумбурные вопросы.

«.....»

Он и Му Чэньсюэ...

Обрести в объятиях прекрасного человека, которого желаешь, — дело хорошее.

Но этот процесс... этот результат...!

Как же так вышло...!?

Яд давно вышел, а у Шэнь Чии потемнело в глазах.

Былое не подлежит пересмотру, и наследник юркнул обратно под одеяло.

Улин, глядя на одеяло, свернувшееся комом, из-под которого не видно было человека, встревоженно воскликнул:

— Господин наследник!

Из-за края одеяла высунулось покрасневшее лицо.

Шэнь Чии недолго притворялся страусом, прячущим голову в песок, и снова начал переживать о том, как там дела с врагами Му Чэньсюэ.

Прошлой ночью была суматоха, и их отношения так и не прояснились.

Теперь, оглядываясь назад, он понимал: раз Му Чэньсюэ владеет боевыми искусствами, а в крови у него такой сильный яд, то убийца вряд ли бы преуспел. Но он, по своему самомнению, решил, что красавца нужно спасать, и в итоге лишь стал обузой, да ещё и...

Если Му Чэньсюэ просто спас его из доброты душевной — то чем это отличается от того, чтобы переспать с братом ради излечения от яда!?

Голова шла кругом. Он спросил:

— А брат Му где?

Улин, как ни странно, не стал подшучивать над ним в такой удачный момент, а быстро проговорил:

— Снаружи. Только что пришло несколько человек, сказали, что их прислали из родного дома господина Му. Даже тело того вчерашнего убийцы они забрали с собой. Сейчас господин Му разговаривает с ними снаружи.

Шэнь Чии опешил.

Семья Му Чэньсюэ?

Прошлой ночью его едва не настиг враг и не убил прямо на ладье, а сегодня утром родные, которые не искали его несколько месяцев, вдруг объявились?

Он и Му Чэньсюэ эти несколько месяцев были неразлучны, даже Новый год встречали на ладье. Но даже в канун праздника Му Чэньсюэ ни словом не обмолвился о своей семье.

А теперь они вдруг пришли, да ещё и не одни.

Улин продолжил:

— Когда господин Му выходил из каюты, он предупредил меня, чтобы я не беспокоил вас. Я и хотел дождаться, пока вы проснётесь, чтобы сказать. Но только что на нос ладьи опустился почтовый голубь. Письма при нём не было — только на левой лапке повязана чёрная лента.

Все праздные мысли развеялись от этих слов. Краска мгновенно схлынула с лица Шэнь Чии.

Он прищурился, и в глубине глаз тотчас всплыла тревога.

Чёрная лента на левой лапке почтового голубя — это был условный знак, о котором он договорился с человеком, передававшим ему вести из дворца.

Голубиная почта — дело ненадёжное, в любой момент перехватить могут. А он выводывал вести о высших сановниках и о смутах в императорском городе — разумеется, нельзя было отправлять такие сведения прямо с голубем.

Потому вести из дворца сперва доставляли на народную почтовую станцию в том месте, где он находился, запечатывали как обычное письмо, а затем выпускали голубя — чтобы известить его о новых событиях и чтобы он сходил на станцию проверить.

Если на левой лапке голубя повязана белая лента — значит, весть обычная, можно заглянуть при случае.

Если чёрная — то...

— «Дело крайней спешки»!?

Неудивительно, что Улин, забыв обо всём, бросился его будить.

Откуда вдруг такая срочность?

Что случилось в императорской столице, что может касаться его, наследника Цанского князя, который ещё не получил титул?

Разве сейчас не тот момент сюжета, когда умирает наследный принц? Во дворце всё вверх дном, какое уж там дело до Цанчжоу?

Он изо всех сил пытался вспомнить сюжет, но так ничего и не припомнил. Поспешно выбравшись из-под одеяла, он, преодолевая ломоту, поднялся, взял из рук Улина верхнее одеяние и накинул его, подпоясался, а затем машинально потянулся поправить благовонный мешочек.

Рука схватила пустоту.

— Прошлой ночью он подарил этот мешочек Му Чэньсюэ в качестве свадебного дара.

«...»

Шэнь Чии хлопнул себя по лбу и, взяв себя в руки, спросил:

— Когда прилетел голубь?

— Только что. Я, как увидел, понял — медлить нельзя, сразу зашёл вас будить.

Шэнь Чии, переговариваясь с Улином, подошёл к двери и услышал снаружи голоса беседующих.

Эти люди, пришедшие к Му Чэньсюэ, ещё не видели его, и он не знал, что за обстановка в семье Му Чэньсюэ.

Он немного колебался, но всё же велел Улину принести плетёную шляпу с вуалью, надел её и только потом открыл дверь и вышел.

— Со мной всё в порядке, — прошлой ночью он не получил ни единой раны, всё, чем он занимался, было делом, о котором стыдно говорить.

— Чёрную ленту просто так не используют. Во дворце, видимо, случилось нечто первостепенной важности, связанное с княжеским домом Цан. Ты сначала отправляйся на станцию и как можно скорее принеси мне вести.

<http://bllate.org/book/15473/2059479>